

На следующее утро, как только Фан Цзычэнь ушел на работу, Чжао-гэр наскоро позавтракал и отправился к тётушке Лю.

Каменный жернов в их семье когда-то смастерил сам дядя Лю. Раньше на нем мололи сою, но с тех пор, как Лю Сяовэнь ушел на службу, инструмент так и стоял заброшенным на заднем дворе. Сын очень любил тофу, но это блюдо требовало много масла, да и возиться с ним было непросто. Когда юноша покинул дом, на плечи родителей свалилось столько забот, что им стало не до кулинарных изысках — лишь бы брюхо набить.

Жернов был тяжелым, и, раз уж он всё равно стоял без дела, Шестой дядя Хэ сам вызвался донести его до дома Чжао-гэра.

Притащив воды, Чжао-гэр тщательно вымыл его снаружи и внутри. Затем он сходил на огород к Лю и накопал имбиря, на этот раз обязательно заплатив за него несколько медяков. Весь день пролетел в мелких хлопотах: одно дело, другое — и вот уже солнце начало клониться к закату.

Вечером Фан Цзычэнь вернулся не с пустыми руками: он снова купил кишки для кровяной колбасы и кукурузную муку. Не тратя времени на ужин, пока не стемнело, супруги принялись за работу во дворе.

Цзычэнь был наделен недюжинной силой, так что тяжелый камень вращался под его руками легко и плавно. Чжао-гэр же быстро выбился из сил: уже через несколько кругов у него перехватило дыхание.

Гуай-цзай послушно сидел в сторонке, не мешая взрослым. Только когда кукурузная мука превратилась в нежнейшую пыль и муж решил, что этого достаточно, они наконец остановились.

Малыш тут же убежал на кухню и вернулся с ковшом воды. Ковшик был полон до краев, и пока ребенок шел, половина расплескалась на землю.

— Папочка, папа, попейте водички!

Фан Цзычэнь ласково потрепал его по щеке.

— Умница мой.

Вода в ковше была родниковой, чистой и прохладной. Раньше мужчина опасался пить её сырой, боясь личинок насекомых или пиявок, но все в деревне пили её десятилетиями и горя не знали. На кухне была всего одна плита, греть воду каждый раз было неудобно, а в летний

зной и вовсе не хотелось. Рассудив, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», он начал пить сырую воду — и вот уже второй месяц чувствовал себя превосходно.

Он осушил ковш почти до дна, а остатки протянул Чжао-гэру, напутствовав:

— Скоро ужинать будем, не пей слишком много.

Тот допил воду и ушел на кухню готовить — каша у него томилась еще с полудня.

Летняя жара стояла невыносимая. Можно было просто лежать на кровати, не шевелясь, и всё равно сойдет семь потов, а после работы во дворе пот и вовсе катился с них градом.

Гуай-цзай, подражая Чжао-гэру, прижался к отцу и, задрав рукав, принялся вытирать его лицо.

— Папочка, ты устал?

Спросив это, малыш тут же умчался в комнату, а когда вернулся, в его руках был какой-то предмет. Это был веер, сплетенный из бамбуковых полосок — круглый, аккуратно обшитый тканью по краям. Раньше такого в доме не было.

— Откуда это? — удивился Фан Цзычэнь.

Работа была выполнена на совесть. Гуай-цзай встал рядом и принялся усердно махать на него веером, напоминая преданного маленького слугу.

— Я попросил дедушку Лю сделать это для меня! Я буду дуть на папочку, чтобы ему было холодно и хорошо!

«Какой почтительный сын»

Глядя на Гуай-цзая, Фан Цзычэнь невольно вспомнил слова, сказанные Чжао-гэром прошлой ночью.

«Я хочу родить тебе сына»

На самом деле, ему было решительно всё равно — сын, гэр или дочь. Династия Цин пала давным-давно, и он не был настолько зашоренным консерватором, чтобы бредить продолжением рода. Но если все дети будут такими же чудесными, как этот малыш, то одного-двух завести вполне можно. Один будет махать на него веером, другой — разминать плечи, третий — делать массаж ног...

От этих мыслей на душе у мужчины стало несказанно сладко.

Чжао-гэр несколько раз окликал его из кухни, но, не дождавшись ответа, вышел во двор. Муж сидел и с каким-то подозрительно мечтательным видом улыбался сыну.

— Чему ты так радуешься?

Цзычэнь кашлянул, скрывая смущение, и, взяв Гуай-цзая за руку, повел его к столу.

— Да так, ничему. Слушай, Чжао-гэр, а когда там новую кровать обещали привезти?

Супруг поставил перед ним миску каши.

— Послезавтра, кажется.

— Ох! Как долго! Я уже прямо-таки сгораю от нетерпения.

Чжао-гэр вспыхнул до корней волос, рука его дрогнула, и миска чуть не соскользнула обратно в котел.

— Средь бела дня... Что ты такое несешь?

Цзычэнь выглянул наружу. Небо уже затянули сумерки. Какое еще «бела дня»?

Сразу после ужина, пока Фан Цзычэнь мыл посуду, снаружи раздался голос Чжоу-гэра. Деревенские жители обычно не ходили в гости по ночам, если только дело не было срочным.

Чжао-гэр поспешил открыть дверь. За порогом стоял его друг с покрасневшими глазами — видно было, что тот только что плакал.

— Что случилось?

Чжао-гэр отступил, пропуская гостя в дом. Они уселись в главной комнате. Хозяин зажег масляную лампу, и её мягкий янтарный свет разогнал тьму. Понимая, что друзьям нужно посекретничать, Фан Цзычэнь подхватил Гуай-цзая на руки и деликатно удалился во двор.

Чжоу-гэр вытер слезы и с обидой в голосе произнес:

— Сегодня мать ко мне приходила.

— И что? — Чжао-гэр не совсем понял причину расстройства.

Деревня Сяохэ была не самой большой, но и не маленькой. Для Фан Цзычэня она казалась крошечной, но по меркам уезда Фуань и Сяохэ, и Сяожун считались средними поселениями. Совсем уж глухими были деревни вроде Цзюли или Шилитунь, затерянные в лесной чаще, куда до сих пор не проложили приличных дорог.

Чжоу-гэр был местным: дом его родителей стоял на западном краю деревни, а дом мужа — на восточном. Каждый был занят своим делом, виделись они не часто, но деревня — место тесное, на дорогах всё равно сталкиваешься. Да и что такого в том, что мать пришла навестить своего ребенка? Почему же он плачет?

Гость, и без того худенький, в тусклом свете казался совсем маленьким. Он обхватил колени руками, спрятал в них лицо и глухо проговорил:

— Она хочет, чтобы я вернулся домой.

Чжао-гэр промолчал, не зная, что на это ответить. Прошло три года с тех пор, как Лю Сяовэнь забрали на границу, и за всё это время от него не пришло ни единой весточки. А граница — это мясорубка, где человеческая жизнь ничего не стоит. Из десяти ушедших возвращаются двое: один калека без руки, другой — без ноги. Сяовэнь был совсем юным ханьцзы, когда уходил, и большинство односельчан втайне считали, что его давно нет в живых. Конечно, в лицо семье Лю этого никто не говорил. Лю Дачжи был человеком простодушным и добрым, даже если бы услышал такое, драться бы не полез, но совесть иметь надо.

Если Сяовэнь нет, то, говоря прямо, Чжоу-гэр сейчас всё равно что вдовец. Здоровье тётушки Лю оставляло желать лучшего — она едва справлялась с легкой работой. Дядя Лю пока был в силе, но годы брали своё. На кого Чжоу-гэру надеяться в будущем? Не лучше ли, пока он еще молод, вернуться к родителям и подыскать нового мужа? Пусть он уже и был замужем и не мог претендовать на завидную партию, в окрестных деревнях всегда найдутся вдовцы, которым нужна хозяйка в доме.

— Мать велит мне выйти замуж снова. Говорит, даже если не найду никого, дома мне будет лучше, чем здесь, — всхлипнул Чжоу-гэр. — Но я не хочу!

Отношения свекрови и фулана редко бывают гладкими, но Лю относились к Чжоу-гэру как к родному сыну. Его брак с Сяовэнем не был сделкой свах — они поженились по любви. Конечно, он и сам понимал, что муж мог погибнуть. Но даже если и так, прошло всего три года — прах еще не остыл, траур по закону положено держать три года. Если он сейчас уйдет, кем он будет? К тому же...

— Мать уговаривает меня вернуться, но запрещает брать с собой Лю-лю. Говорит, что Лю-лю —

плоть и кровь семьи Лю, к тому же мальчик. С ним мне будет трудно найти нового мужа, он для них — обуза.

Именно из-за этих слов Чжоу-гэр не выдержал и разругался с матерью.

— Родителей Лю я могу оставить, они взрослые и справятся сами. Но Лю-лю еще такой кроха! Он мой сын, я носил его под сердцем десять месяцев, он — частичка меня! Как я могу его бросить?

— И что ты решил? — сочувственно спросил Чжао-гэр.

— Хочу остаться в этом доме и ждать Сяовэня, — голос друга дрожал от сдерживаемой горечи.
— Даже если он не вернется — не страшно. Теперь это мой дом. Я не хочу уходить и не хочу снова замуж. Мне сейчас вовсе не тяжело. Раньше было трудно, а теперь, благодаря помощи твоего мужа, я торгую овощами и выручаю по сорок-пятьдесят медяков в день!

Он нахмурился, и в его взгляде промелькнула решимость:

— К тому же, если я вернусь, разве мои невестки дадут мне жизни? Еще до свадьбы они пытались выселить меня в сарай, чтобы отдать мою комнату своим сыновьям. Ты же знаешь мою мать: сыновья для неё — небо, а гэр — мусор под ногами. Она никогда за меня слова не замолвит. Мне здесь хорошо, я никуда не пойду.

— Раз ты сам всё понимаешь и решение принял, чего же тогда плачешь? — мягко спросил Чжао-гэр.

— Просто на душе обидно, — признался тот.

— Ты вышел замуж, и теперь семья Лю — твои корни. Если бы Лю обижали тебя, я бы первый поддержал твое возвращение. Но они любят тебя, и вряд ли ты найдешь вторую такую семью, — Чжао-гэр говорил прямо. — Лю-лю сейчас три года, он растёт смышленным мальчиком. Пройдет ещё немного времени, и он станет тебе опорой. Мы простые люди, богатые на нас не посмотрят. И здесь работать надо, и в другом доме придется вкалывать — какая разница?

Чжоу-гэр кивнул:

— Я тоже так думаю.

Чжао-гэр невольно бросил взгляд во двор. В слабом лунном свете он увидел Фан Цзычэня и Гуай-цзая. Они стояли прямо напротив входа и что-то весело напевали.

«В счастливом пруду живет лягушонок,

Он пляшет так лихо, как будто принц,

Взгляд его крут, никому не сравниться,

Принцесса однажды его пробудит...

Ла-ла-ла...»

Слова песенки были странными — совсем не похожими на те дразнилки, что распевала деревенская детвора про «Ван-второго-пса, что женился на собаке и завел щенят». Но мотив был на редкость приятным. Чжао-гэр хотел было отвернуться, но Цзычэнь, словно почувствовав его взгляд, поднял глаза. В них светилась нежность и любовь.

Правда, нежность эта предназначалась сыну, но стоило Фан Цзычэню увидеть мужа, как он расплылся в улыбке и лихо подмигнул ему, сверкнув во взгляде привычным озорством.

Чжао-гэр смущенно кашлянул и принялся выпроваживать гостя:

— Поздно уже, иди домой, а то тётушка Лю волноваться будет.

Чжоу-гэру просто нужно было выговориться. Он не мог поделиться этими мыслями со свекровью, а Чжао-гэр был единственным в деревне, кто мог его понять. Подруги и не заметили, как совсем стемнело. Стоило гостю подняться, как во дворе послышался голос тётушки Лю:

— Паренёк Фан, наш Чжоу-гэр не у вас засиделся?

— У нас, — отозвался Фан. — Они там с Чжао-гэром все новости обсуждают.

Позже, уже умывшись и лежа в постели, Чжао-гэр всё еще не мог успокоиться из-за истории друга. Завтра нужно было вставать ни свет ни заря, чтобы готовить колбасу на продажу. Он заставлял себя уснуть, но лишь ворочался с боку на бок.

Фан Цзычэнь обнял его за талию, притягивая к себе:

— Что такое? Не спится?